

ВСТРЕЧА С БУДУЩИМ

КАК ТОЧНО найдено название этого фильма — «Человек с планеты Земля». В дни, когда

мир стал для нас просторнее, когда мы по-новому всматриваемся в Луну и звезды, фильм призывает нас повнимательнее взглянуть в человека с нашей старой планеты; посмотрите на него как бы со стороны, словно видите его впервые...

Едва ли сколько-нибудь чуткий зритель примет эту картину только как киносерию Константина Эдуардовича Циолковского. Она воспринимается как поэтическое раздумье о Человеке, о его невысказанном и прекрасном творчестве на Земле.

Часто и справедливо упрекаем мы наше киноискусство во всякого рода опозданиях и отставаниях, а на этот раз можно от души порадоваться — фильм сделан удивительно вовремя!

Может быть, как всегда в таких случаях, знатоки биографии главного героя найдут в фильме значительные отступления от исторических фактов. Но хочется

упиться своей жертвой и величием.

Взятый актером тон спасает нас, зрителей, от печальной необходимости смотреть тысячный вариант драмы о горькой участи благородного, но бедного, несчастного человека.

Юрий Кольцов играет большого человека. Редкий дар присущ этому актеру — в глазах его героя сверкает блистательный ум, могучая духовная сила. Созданный им образ пронизан радостью творчества, в этом — внутренняя музыка лучших эпизодов фильма, их поэтичность.

Режиссер Борис Бунеев мог бы достичь большей художественной цельности картины, если бы почувствовал, что грязь калужских улиц, нелепость губернских обывателей на этот раз не так уж обязательны для разработки драматического конфликта. Не было необходимости погружать Циолковского

во все эти горькие подробности провинциального существования. Мы говорим об этом не потому, что нам претит показанная на экране грубая проза. Фильм — о другом, о других драмах, о других испытаниях воли, ума, таланта. Вот почему нам неинтересны на этот раз самодурство купцов, тушляк губернских господ и дам. Все это мелко и давно знакомо. И сцена унижения великого ученого у болвана вице-губернатора не обязательна. Циолковский действительно не слышал, не видел таких пигмеев, потому что был полон радости творчества. А купцы и вице-губернатор — это как раз из давно надоевшего набора персонажей «биографического жанра».

Другое дело — могучая схватка героя с отцовским горем. Здесь роль, выписанная драматургами, подхватывает и окрыляет актера, помогает ему подняться к высокому драматизму.

«Да, я не смог внушить Игнаше мою веру в жизнь», — шепчет Циолковский, узнав о самоубийстве сына. В одной этой реплике — сильный и страстный лирический мотив, делающий героя по-человечески понятным, ощутимо близким. Вот он, житель старой, грешной нашей планеты, калужский учитель, в аккуратно вычищенном вицмундире, такой слабый в эту страшную минуту и такой могучий в творчестве... Актер знает, сколько необыкновенной силы в обыкновенном человеке труда. Вот почему ему так удалось и скромный учитель провинциальной гимназии, и гений, не знающий преград.

Жаль только, что так явственно хлопнут вокруг героя фильма многочисленные няньки. Среди них и аптекарь Бабуринов, и жена Варвара Евграфовна, и ссыльный Дорофеев. Тепло, сердечно играют эти роли Ю. Любимов, В. Дихтяр, В. Балашов, но как прозрачна здесь тенденция «подсобить» Циолковскому, доказать нам, зрителям, что Циолковский не был одинок.

Но мы и без того видим, знаем, чувствуем это. Циолковский видел единомышленников в Джордано Бруно, Ломоносове, Менделееве, а не только в Бабуринове. И драматурги верно почувствовали, что надо вынести действие на простор истории, связать прошлое с настоящим и будущим, унести на Луну, на звезды — туда, куда так уверенно отправлялся в своих мыслях Циолковский. Они и попытались это сделать...

И ТУТ драматурга, а особенно режиссера, сковала робость. Они так и не решились оторваться от Земли.

Есть в сценарии чудесная реплика. Огорченный разладом с Игнатом, потерявшим веру в идеи отца, Циолковский в забытые путешествует с ним по Луне.

«Нельзя подчиняться слабости, — уговаривает сына Циолковский, — прижмись крепче... будем согреть друг друга... Это Луна... Мы на Луне... Сто пятьдесят градусов холода...»

Смешались в этих словах о лунном холоде земные огорчения Ци-

олковского и его астрономические размышления... Вот здесь бы и преодолеть режиссеру тяготение к привычному в жанре фильма, развернуть потрясающие поэтические картины! Борис Бунеев — ученик Сергея Эйзенштейна. Его учитель рвался именно к таким масштабам действия и мысли, к экранному эпосу! А ученик робует перед открывшимися возможностями, довольствуется очень примитивными комбинированными съемками, банальным лунным пейзажем, будто срисованным со страницы старого «Мира приключений». И это очень обидно. Слишком уж тяжелы на подъем стали наши режиссеры, даже когда драматурги зовут их фантазировать, увлечься, размахнуться во всю ширь экрана. Не потому ли наиболее тщательно разработал Борис Бунеев «калужские» эпизоды фильма — привычные по жанру, по атмосфере — и вовсе спасовал в таком, скажем, эпизоде, как шествие Джордано Бруно на костер, где требуются размах, чувство истории, блестящая режиссерская выдумка. А эпизоды путешествия Циолковского с учениками-гимназистами в космос или «лунные» сцены сделаны так слабо в техническом и художественном отношении, словно киноматография никогда ничего, кроме бытового жанра, не знала.

Здесь потери фильма очевидны, и надо полностью отдать себе отчет в них, потому что стилистические возможности нашего киноискусства должны широко раздвинутся. Этого требуют время, его атмосфера.

ДЕЙСТВИЕ фильма переносится в советские годы. Однако здесь начинается скороговор-

ка, драматурги и режиссура спешат. А думается, что как раз здесь и следовало бы развернуть действие. Ведь именно в эти годы мечта Циолковского стала превращаться в действительность — вот где надо было бы искать авторам фильма новый взлет драматизма!

Был в нашей киноматографии свой Циолковский — Александр Петрович Довженко. В 1954 году он выступил на втором Всесоюзном съезде советских писателей с речью о межпланетных полетах. Он вынашивал тогда план фильма «В глубинах космоса». Ираклий Андроников опубликовал краткие записи этого поразительного плана (журнал «Искусство кино» № 6, 1958 г.). Самое поразительное в нем — связь «космической» темы с земными думами и тревогами. По мысли Довженко, первые звездолетчики берут с собой на Марс съемочный телевизор особой конструкции и передают на Землю все, что видят. «Какой создается простор для мыслей!» — восклицает Довженко.

Подлинно советский художник. Довженко и в космической теме видел возможность говорить о том, чем живут люди на нашей Земле. Прекрасное творческое завещание оставил он новому поколению советских киноматографистов!

Интересный опыт В. Ежова, В. Соловьева, Б. Бунеева, Ю. Кольцова, оператора М. Пилихиной, всего коллектива Студии имени М. Горького будет, несомненно, продолжен другими нашими киноматографистами. Надо искать в этих продолжениях, в новых творческих опытах простор для мыслей о нашей современности. И, конечно, новые, неизведанные поэтические формы, без которых нельзя выразить поэзию времени.

Я. ВАРШАВСКИЙ.

Кадр из фильма «Человек с планеты Земля». В роли К. Э. Циолковского — артист Ю. Кольцов.

заранее сказать: ведь это фильм не только о Циолковском и уж во всяком случае не о подробностях его биографии. Жизнь Циолковского избрана авторами для того, чтобы рассказать о гордой человеческой силе, о времени, когда исполняются мечты многих поколений, о стране, способной создать новую планету.

Возможно, молодые киноматографы В. Ежов и В. Соловьев, начиная писать сценарий, ставили перед собой более скромные задачи. И, конечно, они не могли угадать, что фильм выйдет на экраны именно в те дни, когда весь мир будет говорить о советской космической ракете, но фильм смотрится сейчас на гораздо более широком экране, чем могли предполагать авторы. В том-то и дело, что произведение искусства создается не только авторами, но и временем, и зрителями, если они находят в нем отклик своим мыслям. Это фильм счастливый — время старта первой советской планеты приняло участие в его создании, современность обобщила его образы.

НЕКОТОРЫЕ наши биографические фильмы потерпели поражение не потому, что «биографический жанр» сам по себе плох. Нет, можно поручиться за то, что киноматография и театр часто, очень часто будут обращаться к людям отечественной и мировой истории. И всегда такие пьесы и фильмы будут интересовать зрителя. Дело лишь в том, есть ли в рассказе поэтическое обобщение.

Истинным художником, способным создать поэтический, обобщенный образ, показал себя в этом фильме новый для киноматографии актер — Юрий Кольцов. Список удач режиссера-постановщика Бориса Бунеева можно начать с приглашения на главную роль этого блестящего актера.

Забудьте, что Юрий Кольцов играет «портретную» роль знаменитого ученого, представьте себе, что герой родился в воображении драматургов, режиссера, актера, фильм от этого не станет менее интересным. Перед вами будет пленительный человеческий образ, воплощение творческой силы народа. Вы увидите человека, живущего для людей и находящего в этом самое естественное, природное счастье — без тени фанатической жертвенности, взвинченности, без каких бы то ни было попыток